РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В СССР В 1920-е гг.

Г. А. Петаченко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, petakoff@yandex.ru*

В 1920-е годы в Белорусском государственном университете, как и во всей системе высшего образования СССР, произошли радикальные изменения, затронувшие все сферы его деятельности. Большим изменениям был подвергнут социальный состав студентов, были внесены корректировки в учебные планы и сокращены сроки обучения, чтобы лучше соответствовать требованиям советской экономической модели. Особое внимание было уделено трансформации взаимоотношений между властью и профессорско-преподавательским составом.

Ключевые слова: высшая школа; советское студенчество; советская профессура; первый пятилетний план.

THE DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE HIGHER SCHOOL SYSTEM IN THE USSR IN THE 1920S.

G. A. Petachenko

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, (petakoff@yandex.ru)*

In the 1920s, radical changes took place at the Belarusian State University and in the entire system of higher education of the USSR, affecting all spheres of its activities. The social composition of the students was subjected to major changes, as well as adjustments were made to the curricula and the terms of study were shortened in order to better meet the requirements of the Soviet economic model. Special attention was paid to the transformation of the relationship between the government and the teaching staff.

Keywords: higher school; Soviet students; Soviet professorship; the first five-year plan.

Высшее образование на всем протяжении новой и новейшей истории являлось одной из важнейших сфер не только культурного, но и социально-экономического развития общества. Тем более его значимость постоянно возрастает на современном этапе. Сложившаяся за многие десятилетия вузовская система в условиях постоянного возрастания требований к качеству подготовки специалистов XXI века находится в постоянном поиске новых методов и форм организации учебного процесса, содержания и практик преподавания общеобразовательных и специальных учебных предметов. Во многом эффективность проводимых в последние годы на постсоветском пространстве реформ зависит от профессионализма и понимания исключительной важности своего труда со стороны

профессорско-преподавательского состава вузов, мировоззренческой подготовки студентов и их целеустремленности в освоении избранной специальности.

Поэтому была и остается важнейшая задача – создание условий, которые бы на каждом из этапов постижения знаний учащимися побуждали их к реализации личностных установок, но одновременно – к глубокому пониманию и прочному освоению общественных ценностей. Без сомнения, сегодня высшая школа республики Беларусь по-прежнему нуждается в обращении к опыту прежних лет, к выявлению в практике деятельности советской вузовской системы того, что можно использовать в учебно-методической, организационной и воспитательной работе со студентами. В то же время имеет свои особенности чуть ли не извечная проблема «власть и интеллигенция», «власть и интеллектуалы», которая в целом разрешается только при создании самого разного рода условий (творческих, моральных, материальных и иных) для максимально полной реализации потенциала профессорско-преподавательского состава вузов. Подобное научное и практическое обращение к прошлому обусловлено и тем, что система образования, являясь социокультурной и исторической ценностью, достаточно консервативна. Она осваивает, накапливает и распространяет важнейшие устойчивые практики эволюционного развития. А, значит, сохраняет традиции и характерные черты общества, его самобытность, тем самым способствуя упрочению национальной самоидентификации.

С распадом Российской империи вся система высшего образования оказалась недееспособной, так как принципы ее функционирования стали непригодными в новых реалиях. В советской России начался период коренных изменений всех сфер традиционной жизни общества, в том числе и высшего образования. В основу реформирования легла не только общая идея создания человека нового типа, освобожденного от «буржуазного наследия прошлого», но и нового – «красного» специалиста. Сложность реализации задуманного заключалась в отсутствии у правящей партии четко разработанного плана действий. Сразу после прихода к власти большевики могли предложить лишь отдельные теоретические установки, но не строго разработанный план действий по созданию совершенно новой системы высшего образования. На протяжении 1920-х гг. шел сложный процесс осмысления и освоения её новых парадигм, которые к тому же приспособлялись, адаптировались к реальной ситуации, к изменяющимся общим политическим идеологемам. В результате за это десятилетие

наметились коренные изменения в структурных, организационных и идеологических основах советской высшей школы.

Важнейшей задачей на этом пути было создание студенчества и профессорско-преподавательского состава нового типа, что предполагало, как взаимообусловленные пути и методы действий, так и совершенно отличные, и специфические. Начальные преобразования в системе высшего образования были направлены на изменения социального состава студенчества, поскольку именно оно, по мнению теоретиков реформ, не только должно было стать опорой для власти в высшей школе, но в последующем – в советском обществе в целом, способствуя созданию социалистической системы народного хозяйства.

Пестрый социальный состав студенчества серьезно беспокоил партийное руководство. К тому же ситуация просто угрожала срывом политики пролетаризации высшей школы. Для предотвращения опасных тенденций и нормализации положения было принято решение о проведении ряда мер. Одной из них явилась академическая «чистка» студенчества. План действий представил замнаркома просвещения РСФСР И. И. Ходоровский на проходившей в марте 1924 г. Всесоюзной конференции пролетарского студенчества. Предполагалось наряду с сокращением количества вузов уменьшить общее число студентов, но при этом подчеркивалось: «Мы с величайшей бережливостью относимся к нашему пролетарскому студенчеству, этой главной нашей опоре в вузах. Прежде чем решить судьбу рабочего студента, мы прощупываем его со всех сторон, если отстал, но может догнать, мы ему в этом поможем, даем сроки, если он не может справиться, переводим в другое учебное заведение» [7, с. 113].

Намеченные принципы затем рассматривались на заседании Политбюро РКП(б) 10 апреля 1924 г., где было принято решение о сокращении общего числа студентов на 30 тыс., о полном закрытии приема в вузы в 1924/25 уч. г. и о введении платы за обучение для всех студентов, кроме стипендиатов. Такие же меры предлагалось разработать и для союзных республик в том числе и БССР [6, л. 4]. На основании этого решения представителям Наркомпроса РСФСР в вузах и председателям районных комиссий по проверке студенчества в Ленинграде, Москве, Казани, на юго-востоке Урала и в Сибири поступила директива ЦК РКП(б), предусматривавшая сокращение общего количества студентов вузов не менее чем на 30 тыс. Для выполнения директивы предлагался примерный план действий. В вузах социально-экономического профиля подлежало увольнению не менее 30% студентов, индустриально-технического – 20%,

медицинского – 5–20% [1, л. 135]. В директиве специальным пунктом оговаривались некоторые моменты, связанные, в первую очередь, с проверкой студенчества непролетарского происхождения медицинских, индустриально-технических и сельскохозяйственных вузов. В частности, предлагалось проявлять бережное отношение к студентам старших курсов при условии успешной учебы и исключить их лишь в случае злостного отношения к советской власти. Этот пункт директивы не распространялся на студентов социально-экономических вузов и факультетов.

Академическая «чистка» проводилась весной и летом 1924 г. специально организованными комиссиями, которые состояли из представителей местных органов власти, партийных, комсомольских организаций и членов правлений вузов. Наибольшее число отчисленных пришлось на студентов факультетов общественных наук, поскольку студенты именно этих факультетов оказались вовлеченными в ход внутрипартийной борьбы и поддержали взгляды Л. Д. Троцкого. Например, на этом факультете БГУ было отчислено 537 студентов из 1030 [4, л. 3]. На ФОНе в ИМГУ исключили 1085 студентов, что составляло 33 % от их общей численности [4, с. 111]. Небезынтересны в этой связи данные проверки студенчества других специальностей. Так, на двух факультетах БГУ (медицинском и педагогическом) в общей сложности исключили около 100 студентов из почти 2 тыс. их общей численности.

Одновременно определялась необходимость улучшения общего состава студенчества путем очищения его от враждебных элементов не в порядке кампаний, а систематического изучения и улучшения состава студенчества. Данные установки распространялись и на союзные республики. Так, на заседании СНК БССР в 1929 г. было решено проводить классовый отбор при приеме студентов, их систематическое изучение и проверку [5, л. 85]. Именно в этот период в советской историографии появляется термин «пролетаризация» в отношении высшей школы. Изначально он обозначал комплекс мероприятий, направленных на изменение социального состава студенчества. В современной историографии под данным термином понимается весь комплекс мер, принимавшихся партийно-государственными органами в отношении высшей школы с целью создания новой высшей школы, которая должна была готовить не только высококлассных профессионалов, но и убежденных проводников партийной политики в народные массы.

Рассматривая процесс формирования системы высшей школы в СССР, можно говорить о том, что в 1920-е гг. он имел принципиальное значение

для преодоления экономической разрухи и утверждения новых общественных отношений не только в Советской России, но и во всех советских республиках.

Для более глубокого понимания важнейших составляющих этого процесса для высшей школы в БССР необходимо обратить внимание на проблемы изменения принципов самого учебного процесса. Отрицание «старых» методов преподавания (лекций) исходило не только от пролетарского студенчества и чиновников различных рангов, но и от представителей профессорско-преподавательского состава высшей школы. Реорганизация принципов работы высшей школы, проходившая в соответствии с новыми партийными директивами и под знаком максимального использования активных методов обучения, так или иначе отразилась на 80–90% учебных планов многих вузов, в том числе и БГУ [2, с. 9].

Однако система проверки знаний была сведена лишь к коллективным ответам, какой-либо другой метод проверки исключался. Это снижало индивидуальную академическую активность студента и его ответственность за результаты учебы, нивелировало участие профессоров и преподавателей в учебной работе. В начале 1930-х гг. подобные перекосы вызвали необходимость пересмотра ранее принятых решений.

Серьезные изменения происходят в БГУ во второй половине 1920-х гг., когда власть стала руководствоваться принципом «перевоспитания» вузовских преподавателей национальных республик СССР, обвинять их в излишней увлеченности изучением особенностей местной культуры. Постепенное сворачивание проведения политики белорусизации, украинизации и т. д. привело к тому, что представители научной интеллигенции, которые непосредственно проводили эту политику, начали вытесняться из высшей школы. Например, только из БГУ в течение 1928–1929 гг. по обвинению в великодержавном шовинизме, национализме («нацдемовщине»), отсутствию в работе марксистских принципов и в целом в непонимании марксизма были уволены более 30 преподавателей.

В. И. Пичета пытался отстаивать интересы своих коллег и направил 11 июня 1928 г. письмо в Наркомпрос БССР, в котором, в частности, отмечал: «Калі не навуковыя заслугі, ні ўкараненне на Беларусі, ні Палажэнне аб Навуковых Працаўніках не замацоўваюць становішча працаўніка ва універсітэце, то кожны з працаўнікоў будзе думаць так: сягоння так паступілі з маімі таварышамі, заўтра са мною – трэба пакідаць універсітэт» [3, л. 23].

Но вскоре от руководства университетом был отстранен и сам В. И. Пичета, последовали существенные перестановки в системе управления университетом. Такого рода организационные действия осуществлялись чуть ли не в каждом вузе СССР. В скором времени последовало «разукрупнение» наиболее значимых университетов страны, что стало логичным продолжением партийной политики в отношении и их профессорско-преподавательского состава и студенчества. В 1929 г. А. В. Луначарский был смещен с поста наркома просвещения, поскольку не разделял начавшиеся преобразования в области высшего образования. На его место был назначен А. С. Бубнов. В истории советской высшей школы наступал этап ускоренной пролетаризации, жесткой ориентации вузов на нужды производства.

Таким образом, можно говорить о том, что в 1920-х гг. происходил сложный процесс адаптации профессорско-преподавательского состава и студенчества БГУ к новым условиям жизнедеятельности, к командно-административной системе управления. Он развивался как в строго очерченных властью рамках, так и исходя из индивидуальных особенностей, настроенности вузовских преподавателей на сотрудничество. В это десятилетие представители научной интеллигенции могли еще себе позволить воспринимать и оценивать правомерность тех или иных мероприятий государства, но чаще не афишировали свои взгляды и приспособлялись к политическим и экономическим реалиям.

Библиографические ссылки

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1565. Оп. 18. Д. 17.
2. Корневский И. Роль Белорусского Государственного Университета в подготовке кадров (К 10-летию БГУ 1921–1931 г.) // Десять лет Белорусского Государственного Университета 1921–1931 гг. Издание правительственной комиссии по празднованию десятилетия высшей школы в БССР. Минск, 1931. С. 7–13.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 4601.
4. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 149.
5. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 690.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 60.
7. Ходоровский И. И. К проверке состава учащихся // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 113.